

UDK 801.311

А. Н. Куклин

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола

**ПОЛИЭТНИЧЕСКОЕ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЕ
В МОЗАИКЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ
(ПОТАМОНИМЫ В ОПРЕДЕЛЕНИИ МИГРАЦИОННЫХ ВОЛН)**

Проблема Уральского субстрата в топонимии Урало-Волжской области является трудно разрешимой из-за недостаточного и нерегулярного изучения этнической и культурной связи финно-угорских и самодийских народов. Вместе с тем сложно решить проблему этногенеза народов уральской языковой семьи, которые имеют много общего, а также в значительной степени отличаются друг от друга. Такие различия возникли из-за их территориальной разобщенности и от близких контактов с неродственными народами и племенными группами. Различные древние субстраты влияли на их диалекты, что привело к последующей дивергенции в процессе самостоятельной эволюции. Решение вопроса усугубляется тем, что этнический состав Урало-Поволжья разнообразен не только антропологически, но и в языковом плане. Сложная проблема этногенеза Уральской расы дает все основания выдвигать различные гипотезы, не достаточно убедительные и, возможно, ошибочные. Топонимы финно-самодийского происхождения относятся к реликтовым географическим названиям регионов Урало-Поволжья. Они представляют загадку, решение которой утрачено в результате многовековых изменений в фонетическом и смысловом аспектах. Таким образом, названия рек Большая и Малая Юнга (в марийском языке – Кого Йынгы и Изи Йынгы), находящихся по правому берегу реки Волга на территории Горномарийского района Марий Эл, как правило, отождествляются со словом хантыйского языка – «юнк» ('вода'). Но это название по своему семантическому и внешнему сходству, ближе к ненецкому языку («онко» – 'река'), что свидетельствует о его уральском происхождении. Абсолютно очевидна связь гидронима *унжа* (в марийском языке – «Унчо») с селькупским языком, если сравнить названия водных объектов, отмеченных на картах Урало-Волжской области и Западной Сибири.

Ключевые слова: этногенез финно-угров и самодийцев, этимология потамонимов, марийско-самодийские лексические параллели.

Вопрос об уральском субстрате в топонимии Урало-Поволжья до сих пор окончательно не решен. Существенными причинами, затрудняющими его решение, являются как недостаточная и крайне неравномерная изученность этнокультурных взаимосвязей финно-угров и самодийцев, так и сложность решения самой проблемы этногенеза уралоязычных народов, имеющих наряду с общими чертами весьма значительные расхождения, возникновение которых было обусловлено как территориальной их разобщенностью и тесными общностями с неродственными народами и родоплеменными группами, так и влиянием различных древних субстратов на их диалекты, а также последующей дивергенцией в процессе их самостоятельной эволюции.

Его решение усугубляется еще и тем, что этнический состав Урало-Поволжья достаточно разнообразен не только по антропологическому типу, но и в языковом отношении.

Сложность проблемы этногенеза народов уральской расы дала основание для различных предположений, недостаточно убедительных, не вполне достоверных и даже явно ошибочных. Безусловно, новые гипотезы об этногенезе финно-угров и самодийцев интересны для уралистики, но строить эти гипотезы следует, по-видимому, главным образом с учетом широкого круга научных сведений различных социальных дисциплин (этнологии и археологии, социальной и культурной антропологии, лингвистики и фольклористики, демографии и социологии), в не сводить лишь к гипотезам субъективным домыслам. В свете высказанных соображений уместно привести пространный отрывок из книги известного историка и географа Л. Н. Гумилева «Тысячелетие вокруг Каспия», посвященной этнологическому исследованию ойкумены Евразии за 1500 лет – с III в. до н. э. по XII в. н. э., где говорится: «...большинство северных народов Восточной Европы имеют два раздела: финский –

древний и угорский – пришлый. Мордва: эрзя – финны, мокша – угры. Мари: горные черемисы – финны, луговые – угры. «Чуть белоглазая» – финны, Чудь Заволоцкая – угры (Чудь Заволоцкая или Великая Пермь – Биармия скандинавских саг). Видимо, южным этносом были лопари, сменившие свой древний язык на финский. Язык, поскольку он является средством общения, бесписьменные этносы меняют легко и часто. Передвигаться же по тундре с востока на запад, на Кольский полуостров и в Северную Норвегию, было и тогда несложно.

И, наконец, в этногенезе чувашей принимали участие местные финно-угорские и тюркские племена. Поскольку чувашский язык принадлежит к наиболее архаичным тюркским языкам, сопоставление его с гуннским правдоподобно.

Заметим, что все перечисленные этносы живут около Волги и ее притоков или поблизости от них. Значит, именно Волга, замерзающая зимой, была дорогой угров и гуннов на север. Ту же роль в Зауралье играли Обь и Енисей. Угры-самодийцы обрели новую родину, заменив собой древние циркумполярные этносы, от которых сохранился только один реликт – кеты.

В предлагаемой реконструкции гипотетична только дата переселения – III–IV вв. Она является выводом дедуктивным, т. е. предлагается на базе изучения всей климатической и этнической истории. Действительно, ни до, ни после этой даты не было ни мотивов ни возможностей для столь большой миграции» [11, с. 102–103].

Разумеется, в этих рассуждениях много мистификации, и они ни в коей мере не согласуются с идеей формирования отдельных языков и их диалектов в ходе дивергентного процесса. Следует, однако, при этом уточнить, что совокупность интегрирующих и дифференцирующих свойств этноса, а также этнические процессы, которые Ю. В. Бромлей делит на «этноэволюционные» и «этнотрансформационные» [6, с. 5], не могут рассматриваться без учета лингвистических данных, которые в работе Л. Н. Гумилева вовсе отсутствуют. Что касается этнических процессов Урало-Поволжья, то они были весьма сложными [26, с. 86]. Поэтому в его ономастиконе наряду с автохтонными топонимами встречаются разноязычные вкрапления, нередко даже экзотические, смысловые содержания которых на материалах современных языков народов Урало-Поволжья не поддаются объяснениям.

В этой связи заслуживают внимания древние топонимы, анализ которых, как справедливо подчеркивает А. П. Дульзон, чрезвычайно затруднен

благодаря тому, что они в современном своем виде представляют собой не просто результат различных напластований или наслоений на некое древнее ядро, которое возможно было бы найти, сняв эти напластования; древние топонимы нередко полностью модифицировали свой облик в результате ряда сложнейших изменений: путем отсечения тех или иных частей, скрещения данного слова с другими инородными (гибридизация), путем субституции звуков первоначального языка звуками последующего, путем новой морфологизации слова в соответствии со строем нового языка, сменившего предыдущий, путем более или менее полного переосмысления старого названия в целом или отдельных его частей, что неизменно влечет за собой и те или иные внешние изменения... [12, с. 175].

К разряду реликтовых географических названий Урало-Поволжья относятся топонимы угросамодийского происхождения, представляющие собой загадку, разгадка которой закодирована многовековыми изменениями их фонетического облика и значительными преобразованиями смыслового содержания. Вопрос об угорском субстрате в топонимии Урало-Поволжья является не чем-то абсолютно новым. Он привлекает внимание лингвистов с давних пор [25, с. 118–123]. Причем неоднократно предпринимавшиеся попытки отдельных ученых в определении угорских элементов в топонимиконе северной и средней полосы Восточной Европы скептически оценивались последующими исследователями или же вообще опровергались некоторыми из них.

Что касается самодийского субстрата в названиях местностей Восточной Европы, то он в лингвистической науке прямо не ставился. Однако отдельные исследователи, осмысливая происхождение древних гидронимов Урало-Поволжья, в частности названий речных объектов Республики Марий Эл, не обошлись без фрагментарных экскурсов на самодийские языковые данные [10, с. 38, 96–97, 128].

Первым и исследователем, высказавшим мысль об угорской топонимии в северной и средней полосе России и пытавшимся обосновать ее конкретными примерами, был Д. Европеус (1968, 1872, 1874). Так, в своей статье «Къ вопросу о народахъ, обитавшихъ въ средней и сѣверной Россіи до прибытія славянъ» он выразился так: «Въ теченіе болѣе чѣмъ десяти лѣтъ я имѣлъ случай заниматься сравнительнымъ изученіемъ языковъ финско-венгерскихъ, при чемъ убѣдился, что эти до-русскія названія мѣстностей, встрѣчающіяся

въ сѣверной и средней Россіи отъ Ледовитаго океана до рѣки Оки и до городовъ Витебска и Полоцка, большею частью югорскаго или угорскаго происхожденія, т. е., принадлежать языку пра-дѣдовъ нынѣшнихъ Венгровъ, или Мадьяровъ, Вогуличей и Остяковъ» [14; 58].

Как показывают высказывания Д. Европеуса, вопрос о западной, южной и северной границах угорской топонимики был поставлен лишь им, который и пытался определить их в самом общем виде. Одна из важных задач, стоящая перед исследователем, – вычленение из структуры топонимов однотипных окончаний, присущих, по его мнению, угорским языкам, объяснение семантики топоосновы. В качестве иллюстрации можно привести следующие примеры: исходной формой речного названия *Вычегда* считает он композиту *Вытшагет*, где *выт* ‘вода’, *шагет* ‘рукав’, т. е. водяной рукав; приток, изобилующий водой. Гидроним *Вологда* возводится им к форме *Водшагет*, что означает ‘зверь-приток’. К окончаниям, ярко проявляющим свою продуктивность в гидронимобразовании, как он замечает, относятся: *-егда*, *-огда* (*Вычегда*, *Печегда*, *Вологда*, *Судогда*) с вариантами *тагет* (в хантыйском), *тагил*, *тагул* (в мансийском), восходящих к древнеугорскому *таит*, образованному из более древнего *шагет*, *шагеш* ‘рукав’; *-шера* (*Вышера*, *Нившера*); *-енга* (*Лапшенга*, *Мехренга*, *Нименга*) и другие. Другой существенной задачей исследования угорских следов в топонимии Восточной Европы было, видимо, вычленение по возможности всех примеров угорского типа. Так, названий рек с окончанием *-енга* в северной России насчитал он до 339, в Финляндии таких названий – 162 [14, с. 58–71].

Следует, впрочем, заметить, что указанная работа Д. Европеуса в сжатой форме охарактеризована А. В. Поповым в статье «К вопросу о географии и палеоэтнографии Иркутской губернии» [41, с. 131–132].

Под иным углом зрения рассматривает ее А. И. Туркин в тезисах своего доклада «Топонимика Севера России в трудах финно-угроведов XIX – начала XX вв.», отмечая, что «нельзя отрицать существования в северно-русской топонимике как угорского, так и других пластов уральского типа» [47, с. 26–28].

Кроме этой статьи, А. В. Попов анализирует еще 2 работы Д. Европеуса: «О курганных раскопках около погоста Бежец» (Журнал Министерства Народного Просвещения. Декабрь 1872) и «Об угорском народе, обитавшем в средней и северной России, в Финляндии и в северной

части Скандинавии до прибытия туда нынешних их жителей» (Санктпетербургъ, 1874). Сосредоточивая внимание на их основном содержании, А. В. Попов замечает, что в первой из них Д. Европеус снова подтверждает принадлежность угорскому языку окончаний *уга*, *юга*, *ого*, *его* и явное сходство с ними финских: речка – *joki*, саам. *joga*, хант. *jeaga*, *joga*, манс. *je*, *ja*, коми-зыр. *ju*; во второй им дается список 36 угорских окончаний названий местностей Финляндии, северной и средней России [41, с. 132].

Не отрицая в целом сущности постулируемой Д. Европеусом тезы, следует, однако, заметить, что географические названия средней и северной полосы Восточной Европы рассматриваются им исключительно сквозь призму угорских языков, что касается охвата лингвистических данных языков финкой ветви, то он сведен до минимума, а элементы, имеющие параллели в самодийских языках, вовсе упускаются из поля зрения. Так, например, компонент *-енга* в гидронимах *Печенга*, *Успеченга*, *Печеиенгъ*, возводится им к угорским источникам. По его мнению, «Печеиенгъ значить по остяцки сосна-вода = сосновая вода, а также и просто *печенг* по остяцки и по вогульски значит сосновая» [14, с. 62]. В северной полосе России он насчитал одиннадцать гидрообъектов с таким названием. Правда, в своей работе «Объ угорскомъ народѣ, обитавшемъ въ средней и сѣверной Россіи, въ Финляндіи и въ сѣверной части Скандинавіи до прибытія туда нынѣшнихъ ихъ жителей» он уверенно сообщает о наличии пятнадцати рек с названием *Печенга*, из них четырнадцать находятся в разных местах северной России, а одна – в северо-западной Финляндии.

К сказанному в порядке уточнения следует добавить, что реки с аналогичным названием встречаются также в Восточной Сибири и даже на Дальнем Востоке, ср., например, *Печенга* – один из притоков Енисейского Пита, а также средних притоков Алдана [35, с. 191].

Исходя из этого, надо полагать, что гидролексема *-енга/-еньга* представляет собой прафинно-угорский архаизм, унаследованный из эпохи диалектного развития уральского языка-основы, имевшего непосредственные контакты с диалектами тунгусо-маньчжурских языков. Поэтому в гидролексеме *-енга/-еньга* сибирских названий рек вполне допустимо видеть эвенкийское (тунгусское) йенэ ‘большая река; исток реки’ и селькупское *-га/*-ка* ‘река’ [27, с. 190]. В этой связи уместно привести одно любопытное высказывание А. П. Дульзона: «Предшественниками кетов

на нынешних местах их жительства (на Елогуе и Курейке – притоках Енисея – А. К.) были эвенки, а частью селькупы, что и отразилось в топонимике. Наряду с кетами на Курейке до сих пор проживают эвенки и селькупы, нередко браки между ними» [13, с. 64].

Необходимо, однако, отметить, что интерпретация географического названия на основе лишь внешних звуковых соответствий с данными какого-то определенного языка, не имеющего, быть может, никакого отношения к его возникновению, всегда оставалась далекой от реальной действительности, т. е. искусственной, а поэтому и малоубедительной. Все это еще раз говорит о том, что анализ даже частных фрагментов, таящихся в семантической плоскости и морфонологической структуре реликтового названия, должен учитывать исторические и регионально-этнические обстоятельства, а также результаты влияния языка-субстрата.

Что касается этноисторических процессов Севера Восточной Европы, то они весьма напоминают этнические процессы Урало-Поволжья [26, с. 86]. Так, Л. Н. Жеребцов в «Кратком очерке этнической истории древнейшего населения бассейнов Вычегды и Печоры», ссылаясь на выводы археологических исследований, подчеркивает, что в пределах указанного ареала в период позднего неолита имели две волны заселения: первая была из Прикамья, вторая – из более дальнего района – из Волго-Окского междуречья. Признавая справедливость такой оценки, он замечает, что топонимические названия бассейнов Печоры и Вычегды на *-ым, -им, -ум* Б. А. Серебренников относит к «западносибирским», предполагая вторжение их носителей из-за Урала. Вместе с этим им подмечено, что этническая принадлежность западносибирского населения Б. А. Серебренниковым не указана. В этом отношении, как далее отмечает Л. Н. Жеребцов, показательна работа А. К. Матвеева, считающего указанную топонимику дообскоугорской и полагающего возможность обитания к северу от предков финно-угров палеосибирских племен («палеосибирским», как замечает А. К. Матвеев [28, с. 135], называет дообскоугорское население Зауралья и Западной Сибири (А. П. Дульзон, – А. К.), языки которых могли быть в какой-то степени родственными древним уральским) [17, с. 19–21]. Здесь следует, однако, уточнить, что языковая принадлежность дообскоугорской гидронимии, как подчеркивает А. К. Матвеев, пока не установлена; она может восходить к уральским языкам, так как типологически дообскоугорская гидронимия не отличается от уральских

(финно-угро-самодийских) топонимов, но допустимо также, что она связана с неизвестными нам неуральскими языками палеосибирского происхождения [28, с. 135–136].

А. К. Матвеев придерживается и другого мнения. В одной из своих статей он сообщает: «Если рассматривать возможность обитания угров на Русском Севере в принципе, так сказать, теоретически, то, конечно, эту версию совершенно исключить нельзя, но если на Севере и были угры, то не обские, а какие-то особые, впоследствии полностью вымершие» [30, с. 49]. По словам А. К. Матвеева, мнение о том, что места бывшего обитания манси находились к западу от Урала, о чем довольно решительно писали А. Каннисто [55, с. 57–89] и А. Ф. Теплоухов [45, с. 81–112], не подтверждается фактами.

В этой связи следует заметить, что следы угров на Западном Урале, Верхней Каме, Верхней Вычегде, Чепце и Среднем Прикамье отмечаются и в других работах, выполненных в последние десятилетия [8, с. 155–169; 39, с. 275–277; 44, с. 270–274], которые, остались вне поле зрения А. К. Матвеева.

К точке зрения лингвистов и археологов в определенной степени примыкают и высказывания коми фольклориста А. К. Микушева, обратившего внимание на то, что бассейн Вятки и Камы некогда был колыбелью и прапермян, и праугров: после отделения венгров от восточных угров в I тысячелетии до н. э. последние еще длительное время оставались в Прикамье и только в XII–XIV вв. окончательно переселились с западных склонов Урала в Западную Сибирь, сохранив, однако, историко-культурные контакты с пермянами. При этом, развивая мысли лингвистов, он справедливо замечает, что в пермско-угорских языковых контактах четко выделяются два пласта (древний, восходящий ко времени соседства пермян и угров на западных склонах Урала, – до X–XV вв.; более поздний, датируемый временем переселения угров на Обь, – XVI–XIX вв.), которые подтверждаются и исследованиями фольклористов. Так, архаический, или древний, пласт по словам А. К. Микушева, представлен, во-первых, угорскими героическими военными сказаниями, медвежьими песнями и так называемыми импровизационными «песнями судьбы» и, во-вторых, пермским родоплеменным эпосом о Кудым-Оше, о младшем вымском богатыре и чудовище с Шомвуквы, о Медвежонке-батыре, а также ижемскими лироэпическими песнями-импровизациями автобиографического характера. Второй по времени

пласт, как считает он, образуют сравнительно более поздние эпические песни и сказания о Кироне, Пере-богатыре, Идне-батыре. По его мнению, близок к ним, несмотря на свои архаические истоки, севернокоми ижмоколвинский эпос, возникший в XVI–XIX вв. на пересечении угро-самодийско-пермских фольклорных традиций [33, с. 7–8].

Как явствует вышеизложенное, существует достаточно оснований говорить о наличии угорских топонимов к западу от Урала. Что касается географических названий Урало-Поволжья, то некоторые из них объясняются лишь на материалах угорских языков [25, с. 120–123]. Кроме того, в отдельных названиях наряду с угорскими усматриваются и самодийские лексические элементы, поэтому следует полагать, что в их сложении определенную роль сыграл самодийский языковой субстрат. Так, название рек Большой и Малой Юнги, мар. *Кого Ыынгы* и *Арыынгы*, впадающих с правой стороны в Волгу на территории Горномарийского района Марий Эл, обычно отождествляют с хант. *йынк* ‘вода’ [10: 146], ср. манс. *вить* ‘вода’ [24, с. 47].

Однако, судя по семантике и внешнему сходству, это название генетически более совместимо с нен. *юнко* ‘речка’, ‘короткая протока’, что позволяет сделать вывод об уральском его происхождении [26, с. 96].

При этом достоверность интерпретации топонима зависит от того, насколько точно определена языковая реальность прошлого на культурно-историческом фоне исследуемого региона. Причем процедура семантической реконструкции лексемы значительно облегчается благодаря общему объему информации, почерпнутой из различных источников (археологических, этнографических, фольклорных и иных), которые нередко могут указать исследователю прямой путь к истине (как к относительной, так и к абсолютной).

Практика этимологических изысканий свидетельствует и о том, что семантическая реконструкция реликтовой лексемы становится гораздо менее убедительной или даже ошибочной, если игнорируется реальная историко-культурная ретроспектива употребления слова и сужается круг сопоставляемых лексем. Несоблюдение исторической перспективы в определении генетических истоков тополексемы, воссоздании ее стертой исходной семантики и интерпретации современного ее функционирования в топонимической системе Урало-Поволжья, как правило, ведет исследователя к анахронизмам и даже выводам, которые никак не согласуются с подлинной лингвистической картиной прошлого региона.

Более того, недоразумение здесь вызывают попытки отдельных исследователей игнорировать уральский субстрат или проецировать в финно-пермское языковое состояние элементы лексической системы самодийских языков.

Сказанное можно проиллюстрировать конкретными примерами. Так, отгидронимный ойконим *Шор-Уньжа* (мар. *Унчо*) Д. Е. Казанцев считает пермским по происхождению. В связи с этим препозитивный компонент ойконима справедливо им сопоставляется с коми-зыр. *шор* и удм. *иур* ‘ручей’. Что касается второго компонента, то он подчеркивает, что в нем легко угадывается коми-зыр. *удж* ‘нельма’ (ср. манс. *уни* ‘нельма’ – ценная промысловая рыба северных рек и морей семейства лососевых), обращая при этом на неслучайность сопоставления соответствием мар. инлаутного сочетания *-нч-* коми-зыр. *-дж-* в генетически связанных словах: мар. *вончаш* ‘переходить’; коми-зыр. *вуджны* ‘переправиться, перейти’; мар. *йончаш* ‘сочиться, просачиваться’; коми-зыр. *йиджны* ‘всасываться, впитаться; просачиваться’ [22, с. 39].

Однако, принимая во внимание неоднородность рефлексии финно-угорского консонантного сочетания *-нč-* в марийском и коми языках, трудно предположить в этом процессе строго закономерное явление. К сказанному следует добавить, что изменение **-нč-* в коми языке в большинстве случаев сопровождалось диэрезой сонанта *n* с последующим озвончением аффрикаты *č*. В определенном круге слов инновационная аффриката *ž* вследствие утраты аффрицирующего (смычного) элемента превратилась в *ž*.

На почве марийского языка изменение инлаутного сочетания **-нč-* происходило в двух основных направлениях: 1) упрощение его до одинарного звука вследствие устранения сонанта *n*; 2) озвончение аффрикаты под действием контактной прогрессивной ассимиляции – характерное явление для многих диалектов. Ср., например: мар. *кўч*, коми *гыж*, морд. *кенже* ‘ноготь’; ф. -у. *čepčz* ‘утка’ > коми *чөж*, диал. *čөž*, эрзя-морд. *шенже* ‘дикая утка’ [39, с. 417]; ф. -у. **rapče-/*раče-* ‘открывать, отворять’ > марГ *пачаш*, марЛ *почаш*, эрзя-морд. *панжомс*, мокша-морд. *панжемс* ‘открыть’, хант. *рпч-* [39, с. 418]; мар. *вонч-* (*wonč-*) ‘переходить’, ‘переезжать’, коми-зыр. *вудж-* (*viž-*) [39, с. 145]; морк. -серн. *пўн’чө, пўн’д’ж’ө*, марГ *пўнжбї* ‘сосна’, коми-зыр. *пожөм* ‘сосна’ < урал. **repčä/*rečä* ‘сосна’ [46, с. 160].

Приведенные примеры лишней раз убеждают в неправомерности сопоставления генетически не связанных друг с другом лексем *Уньжа* (*Унчо*)

и коми-зыр *удж* ‘нельма’. Между тем ключ к установлению происхождения гидронима *Уньжа* дают его западно-сибирские двойники, ср., например, названия небольших рек на территории проживания селькупов: *Унжа*, р. левый приток р. Каилка; *Квенал-унжа*, р., правый приток р. Пайдугина; *Пуныл-ундж*, р. левый приток р. Чижапка, где модифицированное русским языком слово *унжа* восходит к селькупскому *унджъ* ‘ручей, речка’ [4, с. 16–18]. По наблюдениям Э. Г. Беккер, в карасинском диалекте селькупского языка оно бытует в форме *унджа*, у тымских селькупов – *унджъ* [5, с. 10]. Судя по приведенным материалам, гидроним *Уньжа* (мар. *Унчо*), безусловно, имеет генетические связи с селькупским словом, что свидетельствует о его архаичном, субстратном характере.

Между тем для воссоздания лингвистической реальности, в условиях которой создавался топоним *Шор-Уньжа* (Моркинск. р-н Марий Эл), значительный интерес представляют сведения о Шоруньжинском могильнике, к сожалению, недостаточно систематизированные. Так, руководствуясь соображениями археолога Г. А. Архипова, Д. Е. Казанцев утверждает, что по типам азелинских вещей от него существенно не отличается Младший Ахмыловский могильник (V–VII вв. н. э.), расположенный недалеко от устья Ветлуги. Исходя из этого, Шоруньжинский могильник относит он к числу азелинских памятников [22, с. 39].

Однако такой вывод является неправомерным. Этому противоречит в первую очередь то обстоятельство, что Младший Ахмыловский могильник, как замечает Г. А. Архипов, имеет много отличительных признаков: в нем представлены три разнотипных комплекса вещей. На этом фоне конкретизирующим представляется следующее его высказывание: «Азелинцы, по-видимому, имели значительную примесь угорских племен, что выражается в наличии керамики с рамчатым (решетчатым) штампом» [2, с. 48]. Наконец, говоря об азелинцах, нельзя не упомянуть еще одну работу Г. А. Архипова, содержащую полярно противоположный вывод о том, что «материальная культура азелинцев определяется чисто прикамской без примеси других культур финно-угорских племен» [3, с. 106]. В связи с этим нелишне отметить, что, согласно мнению специалиста по средневековой археологии удмуртов М. Г. Ивановой, «памятники азелинской и мазунинской культур рассматриваются ею (Р. Д. Голдиной – А. К.) в рамках пьаноборской и худяковской культур» [18, с. 39].

В силу изложенного представляется, что к настоящему времени в археологических исследовани-

ях накопилась довольно значительная совокупность противоречий, побуждающих серьезно усомниться в правильности установления этнической идентификации многих памятников Урало-Поволжья и исторической их интерпретации. В контексте вышесказанного следует отметить две Шоруньжинские стоянки, открытые В. В. Никитиным в 1988 году, которые охарактеризованы им как памятники эпохи мезолита [38, с. 36–37, 200].

Как показывают археологические изыскания последних лет, памятники периода мезолита занимают обширную территорию Урало-Поволжья. Так, К. Э. Истомин, рассматривая ареал бытования памятников камской мезолитической культуры, указывает, что он занимает бассейн Вятки, достигая на западе правобережья Волги (Долгополянское 2 местонахождение), его восточной границей являются западные склоны Уральского хребта, северной – Камско-Вятский водораздел, а на юге он охватывает долину р. Камы и приустьевые части ее левых притоков. Происхождение камской культуры К. Э. Истомин склонен связывать с зауральским субстратом, акцентируя при этом, что памятники с аналогичным типом инвентаря (микролитическим), имеющим более древний облик, распространены в районах Среднего и Западной Сибири [21, с. 15–17].

Следует, кстати, отметить, что определением этнической принадлежности Шоруньжинских стоянок никто не занимался. Вероятнее всего, что они были стоянками самодийских племен. В пользу такого предположения свидетельствует прежде всего реликтовая гидролексема *Уньжа* (*Унчо*), имеющая, как указано выше, аналогию в селькупском языке. Позднее они, видимо, были ассимилированы пермскими племенами. По существу эта версия подтверждается тополексемой *Шор*, ср. общеперм. *šor* ‘ручей, поток, течение, река’. Диалекты удм. языка свидетельствуют о сужении общеперм. **o > u*, ср. удм. *šur* ‘большая река; речка, ручеек’ [56, с. 503].

Сопоставление гидронима *Уньжа* (*Унчо*) с селькупским словом *унджа* ‘ручей, речка’ будет предельно ясным, если его подкрепить конкретными примерами, без претензий на исчерпанность и полноту охвата лексического материала, восходящего к достаточно глубокой древности марийского и селькупского языков. Причем масштаб сравниваемого материала из-за отсутствия письменных памятников и селькупских диалектизмов ограничивается словами литературных языков, имеющих схожий облик и равнозначную или близкую содержательную сторону. Для констатации лексических

соответствий привлекается наиболее надежный сравнительно-генетический материал. К числу таких Г. А. Климов в своей книге «Основы лингвистической компаративистики» относит категории словаря, отражающие более или менее универсальные для человеческого общества понятия и составляющие так называемый «основной» лексиче-

ский фонд – патронимика, обозначения явлений природы, названия элементов дикой флоры и фауны, личные местоимения, обозначения элементарных действий и т. п., кроме дескриптивной, т. е. звукоподражательной и звукосимволической, лексики и культурного словаря [23, с. 29–30].

Примеры:

Селькупские лексемы приводятся по словарю С. И. Ирикова	Марийские слова
<i>илы</i> ‘жизнь’	<i>ильши</i> ‘жизнь’
<i>сома илы</i> ‘хорошая жизнь’	<i>сай ильши</i> ‘хорошая жизнь’
<i>кун ила</i> ‘где живет?’	<i>кушто ила?</i> ‘где живет?’
<i>копы</i> ‘кожа’	<i>коваште</i> ‘кожа’
<i>қотарқа</i> ‘кашлять’	<i>коқыраш</i> ‘кашлять’
<i>қошты</i> ‘вредно’	<i>коштан</i> ‘злой, безжалостный, жестокий’;
	волж. ‘вредный’
<i>кэты</i> ‘тело’	<i>кап</i> ‘тело’
<i>куннены?</i> ‘откуда?’	<i>кушеч(-ын)?</i> ‘откуда?’
<i>кырый</i> ‘раненый’	<i>кыралтише</i> ‘битый, избитый’
<i>кыта</i> ‘муравей’	<i>кутко</i> ‘муравей’
<i>кэря</i> ‘ворон’	<i>корак</i> ‘ворона’
<i>қамалтықа</i> ‘опрокинуть (лодку, нарту)’	<i>кумыкташ</i> ‘опрокинуть, перевернуть вверх дном’,
	<i>кумыкталташ</i> ‘опрокинуться, перевернуться вверх дном’
<i>қэлын үр</i> ‘рыбий жир’	<i>кол үй</i> ‘рыбий жир’
<i>қя</i> ‘береза’	<i>куэ</i> ‘береза’
<i>кярыс</i> ‘коршун’	<i>курныж</i> ‘коршун’
<i>лэ</i> ‘кость, скелет’	<i>лу</i> ‘кость’
<i>лыптык</i> ‘ткань’	<i>лапчык</i> ‘лоскуток ткани’
<i>ме</i> ‘мы’	<i>ме</i> ‘мы’
<i>моқына</i> ‘домой; назад, обратно’	<i>мёнгына</i> ‘домой’
<i>моқына пералиқа</i> ‘возвращаться домой’	<i>мёнгына пёртылаш</i> ‘возвращаться к себе домой’
<i>орса меркы</i> ‘сильный ветер’	<i>озырман мардеж</i> ‘свирепый ветер’
<i>ау</i> ‘рот; пасть (зверя); отверстие; устье (реки)’	<i>ан</i> ‘отверстие; горло (в посуде)’; <i>эһеран</i> ‘устье (реки)’
<i>пеляк</i> ‘сторона’	<i>вел</i> ‘сторона’; <i>пелне</i> ‘в стороне’
<i>по</i> ‘дерево; дрова’	<i>пу</i> ‘дрова’
<i>сичи</i> ‘уголь’	<i>иу́ч</i> ‘копоть, сажа’
<i>сей</i> ‘шея’	<i>иу́й</i> ‘шея’
<i>турий</i> ‘край (чего-либо)’	<i>тёр</i> ‘край (чего-либо)’
<i>тымты</i> ‘здесь’	<i>тыште</i> ‘здесь’
<i>туты</i> ‘карась’	<i>тото</i> ‘линь’
<i>чапа</i> ‘капать’	<i>чываш</i> (волж.) ‘капать’. Исторически это слово восходит, видимо, к звукоподражанию

Если анализировать марийский и селькупский языки в объеме всех их диалектов, то круг лексических соответствий можно значительно расширить. Однако уже самый беглый взгляд на вышеприведенные примеры не может исключить предположения об общем их происхождении.

Дополнительной иллюстрацией к этому положению служат результаты одонтологических обследо-

ваний народов уральской расы. Так, по редукции гипоконуса на вторых верхних молярах *-hʏr* (3+3) N³ – сближаются луговые мари (64,5), манси (67,7), селькупы (68,2) и саамы Финляндии (69,9). У горных мари этот признак равен 60,2. По бугорку Карабелли на первых верхних молярах *-cara* (2–5) M¹ – горные мари (35,5) сближаются с манси (35,2), а луговые мари (46,7) – с удмуртами центральными

(45,5). По шестибугорковым формам первых нижних моляров – М₁6 луговые мари (5,5) сближаются с хантами (6,2), коми-пермяками (6,4) и селькупамми (6,4). По дистальному гребню тригонида (*dte*) весьма близко друг к другу стоят горные мари (13,8), луговые мари (18,2) и селькупы (16,1). Коленчатая складка метаконида (*dw*) у горных мари – 26,3; саамов Финляндии – 31,3; саамов Кольских – 32,7; луговых мари – 40,0; селькупов – 50,0. У остальных групп уральской популяции этот признак значительно ниже, ср., например, у удмуртов (14,8); манси (17,1), хантов (15,7) [48, с. 35–36].

Согласно предположениям В. В. Бунака, «одним из типов, вошедших в весьма давнее время в состав черемисского народов, был тот тип (уральский – А. К.), который до сих пор выступает в виде следов в ряду финских народностей и существует в достаточно чистом виде среди вогулов». «Из прочих типов, – подчеркивает в этой связи В. В. Бунак, – присутствие которых можно было бы подозревать среди черемис, на первом месте стоит, так называемый тюркский, сильно брахицефальный, гипсицефальный, очень широколицый, коренастый, сильный тип, а также близкий к тюркскому в некоторых признаках, самоедский тип» [7, с. 160–161].

Все это свидетельствует о сложных этногенетических процессах народов уральской расы. Поэтому совершенно неосновательно рассматривать созданную топонимическую систему Урало-Поволжья как результат творчества только лишь ныне проживающих там народов, игнорируя тем самым ее хронологические срезы и факты воздействия на формирование субстратных, суперстратных и иных явлений. Между тем, этимолог, пренебрегающий общепризнанной хронологией реалий и понятий, не только не вносит определенную ясность в спорные вопросы этно- и глотогенеза уралоязычных народов Поволжья и Приуралья, но и создает значительную путаницу в их решении. На самом деле этимологическая интерпретация гидронимов Урало-Поволжья невозможна без широких диахронных и синхронных сопоставлений, без учета временных и пространственных рамок уральских языков. При сопоставительном картографировании названных речных объектов Урало-Поволжья выясняется, что некоторые из них имеют параллели в Западной Сибири. Ср., например, гидронимы-двойники (в качестве иллюстрации приводятся названия средних и небольших речных объектов).

Западная Сибирь	Урало-Поволжье
Буй, р., один из истоков р. Шакшы, лев. приток р. Болгу – бассейн Лебеди. Пуу, р., лев. приток р. Бии [34, с. 37].	Буй, р., прав. приток р. Вятки – Кировск. обл., Марий Эл. Буй, р. в Уфимской провинции, течет в Белую с правой стороны, другая в Каму, выше Белой [43, с. 200]. Ср. мар. название реки Буй – Пу.
Ик, р., прав. приток р. Берди – Новосибирск. обл. [42, с. 78]. Ик Чёрный, р., лев. приток Тобола – Запад. Сиб. Ик, р., лев. приток р. Оши – бассейн Иртыша [36, с. 231].	Ик, р., лев. приток р. Камы – Татарстан. Ик, р., прав. приток р. Ая – Белокатайск. р-н Башкортостана. Ик, р., прав. приток р. Киги – Кигск. р-н Башкортостана. Ик, рч., прав. приток р. Яйвы Пермск. обл.
См. также Ик, р., впадающая в озеро Зайсан – Казахстан.	
Икса, р., лев. приток Чаи – Томская обл. Икса, р., прав. приток Оби – Новосибирск. обл. [42, с. 79].	Ир-Икса, р., прав. приток р. Большой Кокшаги – Марий Эл [49, с. 11]. Икша, рч., лев. приток р. Ветлуги [52, с. 10]. Икша, рч. по левую сторону р. Ветлуги.
См. также Икса, р., лев. приток р. Тавды – Свердлов. обл. [29, с. 104–105; 31, с. 74–75]. Икса, р. в бассейне Мезени [36, с. 231].	
Кинер, р., лев. приток р. Кондомы – Кемеровск. обл. [37, с. 73].	Кинер, р. в Малмыжск. р-не Кировск. обл. Кинэр (Кинер), р. в Арск. р-не Татарстана [1, с. 282].
Кукша, рч., лев. приток р. Томи [37, с. 93].	Кукша, рч., лев. приток р. Рутки [51, с. 11].
Она, р., приток р. Уды – Селенги. Она, р., прав. приток р. Абакан.	Она, р., лев. приток р. Лаж – Марий Эл [53, с. 9]. Она, р., лев. приток р. Немды – Марий Эл [54, с. 8].
Река Бирюса (бассейн Ангары) в нижнем течении носит название Она [32, с. 104]. Ср. также Она, р., прав. приток р. Мезень.	
Сума, р., приток р. Чулым [42, с. 87].	Сумка, р., прав. приток р. Волги – Марий Эл [52, с. 8], Сумка, рч., приток р. Волги – Звениговск. р-н Марий Эл.
Уса, р., прав. приток р. Томи [37, с. 190].	Уса, рч. – Мамадышск. уезд. Казанск. губ. [19, с. 48].
Шегарка, р., лев. приток р. Оби [9, с. 141].	Шугарка, р., лев. приток р. Юшут – Марий Эл [53, с. 8]
Большая Шора, р., лев. приток р. Томи [37, с. 29].	Шора, р., лев. приток р. Илеть – Марий Эл, Татарстан.
Малая Шора, р., лев. приток р. Большой Шоры [37, с. 106].	Шора, р., прав. приток р. Юшут – Марий Эл.

Биография указанных гидронимов заслуживает специального лингвистического исследования на весьма значительном и многообразном по характеру материале, поэтому вопрос об их происхождении остается пока открытым.

Сокращения

- волж. – волжский говор марийского языка;
 диал. – диалектное слово; коми-зыр. – коми-зырянский язык;
 КУ – красноуфимский говор марийского языка;
 манс. – мансийский язык; мар. – марийский язык;
 марГ – горное наречие марийского языка;
 марЛ – луговое наречие марийского языка;
 морд. – мордовские языки;
 морк-серн. – моркинско-сернурский говор марийского языка;
 нен. – ненецкий язык;
 общеперм. – общепермский язык-основа;
 саам. – саамский язык;
 сельк. – селькупский язык;
 удм. – удмуртский язык;
 урал. – уральский язык-основа;
 хант. – хантыйский язык.

1. Арсланов Л. Ш. О происхождении топонима Кенэр (Кинер) // Узловые проблемы современного финно-угроведения: материалы I Всероссийский науч. конф. финно-угроведов. Йошкар-Ола, 1995.

2. Архипов Г. А. Происхождение марийского народа по археологическим данным (с I тыс. н. э.) // Происхождение марийского народа: материалы науч. сессии, проведенной Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории (23–25 декабря 1965 года). Йошкар-Ола, 1967.

3. Архипов Г. А. Марийский край в памятниках археологии. Йошкар-Ола, 1976.

4. Беккер Э. Г. О некоторых параллелях в гидронимии Европейского Севера и Западной Сибири // Языки и топонимия Сибири. Томск, 1970. Вып. 2.

5. Беккер Э. Г. О некоторых селькупских географических терминах // Языки и топонимия Сибири. Томск, 1970. Вып. 3.

6. Бромлей Ю. В. К типологизации этнических процессов // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979.

7. Бунак В. В. Антропологический тип черемис (с 18 табл. и мног. рис.) // Русский антропологический журнал. М., 1924. Т. 13. Вып. 3–4.

8. Вишневский Б. Н. Следы угров на Западном Урале // Уч. зап. Т. XII, вып. I. Тр. Камской археологической экспедиции. Пермь, 1960. Вып. 3.

9. Воробьева И. А. Язык земли. О местных географических названиях Западной Сибири. Новосибирск, 1973.

10. Галкин И. С. Кто и почему так назвал: рассказы о географических названиях Марийского края. Йошкар-Ола, 1991.

11. Гумилев Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия. Баку, 1991.

12. Дульзон А. П. Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики // Уч. зап. Томского гос. педагог. ин-та. Сер. Физико-математических и естественно-географических наук. Томск, 1950. Т. VI.

13. Дульзон А. П. Былое расселение кетов по данным топонимики // Вопросы географии: Географические названия. М., 1962. Сб. 58.

14. Европеусъ Д. Къ вопросу о народахъ, обитавшихъ въ средней и сѣверной Россіи до прибытія славянъ // Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Ч. 139. Июль мѣсяць. СПб., 1868.

15. Европеусъ Д. О курганныхъ раскопкахъ около погоста Бъжець въ Бъжецкомъ уездѣ Тверской губерніи // Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Декабрь мѣсяць. СПб., 1872.

16. Европеусъ Д. Объ угорскомъ народѣ, обитавшемъ въ средней и сѣверной Россіи, въ Финляндіи и въ сѣверной части Скандинавіи до прибытія туда нынѣшнихъ ихъ жителей. СПб., 1874.

17. Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. X – начало XX в. М., 1982.

18. Иванова М. Г. Истоки удмуртского народа: учеб. пособие. Ижевск, 1994.

19. Износковъ И. А. Списокъ населенныхъ мѣст Мамадышскаго уѣзда (Приложение къ его реферату «О сохранившихся преданіяхъ по поводу названій русскихъ и инородческихъ поселеній въ Казанской и сосѣднихъ съ нею губерніяхъ»). Казань, 1882.

20. Ириков С. И. Словарь селькупско-русский и русско-селькупский: пособ. для уч.-ся. Л., 1988.

21. Истомин К. Э. Новые мезолитические памятники в Нижнем Прикамье и некоторые вопросы изучения Волго-Камских мезолитических культур // Древние памятники приустьевого Закамья: материалы Новостроичной экспедиции Министерства культуры Республики Татарстан. Казань, 1993. Вып. 1.

22. Казанцев Д. Е. Формирование диалектов марийского языка (В связи с происхождением марийцев). Йошкар-Ола, 1985.

23. Климов Г. А. Основы лингвистической компаративистики. М., 1990.

24. Кузакова Е. А. Словарь манси (восточный диалект). М., 1994.

25. Куклин А. Н. Угорские элементы в топонимии Марийской АССР // Congressus septimus Internationalis Fenno-Ugristarum 3c-Sessiones sectionum, Linguistica. Debrecen, 1990.

26. Куклин А. Н. К вопросу об этимологизации Волго-Камского гидроформанта -га // Linguistica Uralica. Tallinn, 1995. XXXI. № 2.

27. Куклин А. Н. К вопросу об этимологизации гидронимов на -енга/-еньга // Linguistica Uralica. Tallinn. 1995. XXXI. № 3.

28. Матвеев А. К. Древнеуральская топонимика и ее происхождение // Вопросы археологии Урала. Вып. 1: Второе Уральское Археологическое совещание при Уральском университете 1–7 февраля 1961 года. Итоги и проблемы изучения археологии Урала. Свердловск, 1961.

29. Матвеев А. К. Географические названия Урала: краткий топонимический словарь. Свердловск, 1980.

30. Матвеев А. К. К вопросу о западных границах первоначального расселения манси по данным топонимии // Ономастика Европейского Севера СССР. Мурманск, 1982.
31. Матвеев А. К. Географические названия Урала: краткий топонимический словарь. Изд. 2-е перераб. и доп. Свердловск, 1987.
32. Мельхеев М. Н. Географические названия Приенисейской Сибири. Иркутск, 1986.
33. Микушев А. К. Историко-культурные взаимосвязи пермских народов // Историко-культурные связи пермских народов (по данным фольклора и языка). Ижевск, 1981.
34. Молчанова О. Т. Структурные типы тюркских топонимов Горного Алтая. Саратов, 1982.
35. Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. М., 1974.
36. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984.
37. Мытарев А. А. От Абы до Яи: географический словарь Кемеровской области. Кемерово, 1970.
38. Никитин В. В., Соловьев В. С. Атлас археологических памятников Марийской АССР: Эпоха камня и раннего металла. Йошкар-Ола, 1990. Вып. 1.
39. Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков / АН СССР, Ин-т языкознания. М.: Наука, 1974.
40. Петровых Ф. И. Угорская топонимика Среднего Прикамья (с примечаниями проф. В. И. Лыткина) // Уч. зап., т. XII. Вып. I: Тр. Камской археологической экспедиции. Пермь, 1960. Вып. 3.
41. Попов А. В. К вопросу о хорографии и палеоэтнографии Иркутской губернии // Очерки по землеведению и экономике Восточной Сибири. Иркутск, 1926. Т. 49. Вып. 2.
42. Саблина О. Ф. Реки // Природа Новосибирской области. Новосибирск, 1968.
43. Татищев В. Н. Лексиконъ Россійской, исторической, географической, политической и гражданской. СПб., 1793. Ч. 1.
44. Теплоухов А. Ф. Следы былого пребывания угорского народа в смежных частях Пермской и Вятской губерний и последующая смена его пермским и русским народами // Записки Уральского общества любителей естествознания. Свердловск, 1924. Т. XXXIX.
45. Теплоухов А. Ф. О происшедшей некогда смене угров пермяками на Верхней Каме, коми на Верхней Вычегде и удмуртами на Чепце // Уч. зап. Т. XII. Вып. I: Тр. Камской археологической экспедиции. Пермь, 1960. Вып. 3.
46. Терентьев В. А. Ностратические этимологии // Этимология 1977. М., 1977.
47. Туркин А. И. Топонимика Севера России в трудах финно-угроведов XIX – начала XX вв. // История топонимики в СССР: тез. докл. М., 1967.
48. Халдеева Н. И. Уральская раса по данным одонтологии // Материалы к антропологии уральской расы. Уфа, 1992.
49. Янтемир М. Н. Описание Маробласти. Краснококшайский кантон (с приложением карты кантона). Краснококшайск, 1926. Вып. 1.
50. Янтемир М. Н. Описание Маробласти. Звениговский кантон (с приложением списка населенных пунктов кантона). Краснококшайск, 1926. Вып. 3.
51. Янтемир М. Н. Описание Маробласти. Козьмодемьянский кантон (с приложением списка населенных пунктов кантона). Краснококшайск, 1926. Вып. 4.
52. Янтемир М. Н. Описание Маробласти. Юринский кантон (с приложением списка населенных пунктов кантона). Краснококшайск, 1927. Вып. 5.
53. Янтемир М. Н. Описание Маробласти. Сернурский кантон (с приложением списка населенных пунктов кантона). Краснококшайск, 1927 (на обложке: 1928). Вып. 7.
54. Янтемир М. Н. Описание Маробласти. Торъяльский кантон (с приложением списка населенных пунктов кантона). Краснококшайск, 1929 (на обложке: 1930). Вып. 8.
55. Kannisto A. Über die früheren Wohngebiete der Wogulen im Lichte der Ortsnamenforschung // Finnisch-Ugrische Forschungen. Helsinki, 1927.
56. Munkácsi B. A. Votják nyelv szótár. Lexicon linguae Votiacorum (Wörterbuch des Wotjakischen) (1980, bzw. 1896) (Repint). Pécs, 1990.
1. Arslanov L. Sh. O proiskhozhdenii toponima Kener (Kiner). *Uzlovye problemy sovremennoogo finno-ugrovedeniya: materialy I Vserossiiskii nauch. konf. finno-ugrovedov*. Ioshkar-Ola, 1995.
2. Arkhipov G. A. Proiskhozhdenie mariiskogo naroda po arkhеologicheskim dannym (s I tys. n. e.). *Proiskhozhdenie mariiskogo naroda: materialy nauch. sessii, provedennoi Mariiskim nauchno-issledovatel'skim institutom yazyka, literatury i istorii (23–25 dekabrya 1965 goda)*. Ioshkar-Ola, 1967.
3. Arkhipov G. A. Mariiskii krai v pamyatnikakh arkhеologii. Ioshkar-Ola, 1976.
4. Bekker E. G. O nekotorykh parallelyakh v gidronimii Evropeiskogo Severa i Zapadnoi Sibiri. *Yazyki i toponimiya Sibiri*. Tomsk, 1970. V. 2.
5. Bekker E. G. O nekotorykh sel'kupskikh geograficheskikh terminakh. *Yazyki i toponimiya Sibiri*. Tomsk, 1970. V. 3.
6. Bromlei Yu. V. K tipologizatsii etnicheskikh protsessov, *Problemy tipologii v etnografii*, М., 1979.
7. Bunak V. V. Antropologicheskii tip chermis (s 18 tabl. i mnog. ris.). *Russkii antropologicheskii zhurnal*. М., 1924. Т. 13. V. 3–4.
8. Vishnevskii B. N. Sledy ugrov na Zapadnom Urale. *Uch. zap. T. KhII, vyp. I. Tr. Kamskoi arkhеologicheskoi ekspeditsii*. Perm', 1960. V. 3.
9. Vorob'eva I. A. Yazyk zemli. O mestnykh geograficheskikh nazvaniyakh Zapadnoi Sibiri. Novosibirsk, 1973.
10. Galkin I. S. Kto i pochemu tak nazval: rasskazy o geograficheskikh nazvaniyakh Mariiskogo kraja. Ioshkar-Ola, 1991.
11. Gumilev L. N. Tysyacheletie vokrug Kaspiya. Baku, 1991.
12. Dul'zon A. P. Drevnie smeny narodov na territorii Tomskoi oblasti po dannym toponimiki. *Uch. zap. Tomskogo gos. pedagog. in-ta. Ser. Fiziko-matematicheskikh i estestvenno-geograficheskikh nauk*. Tomsk, 1950. Т. VI.
13. Dul'zon A. P. Byloe rasselenie ketov po dannym toponimiki. *Voprosy geografii: Geograficheskie nazvaniya*. М., 1962. Sb. 58.
14. Evropeusъ D. Къ вопросу о народакъ, обитавшихъ въ srednei i s'evernoi Rossii do pribytiya slavyanъ. *Zhurnalъ Ministerstva Narodnago Prosv'zhcheniya*. Ch. 139, Jyul' m'fьsyatsъ. SPb., 1868.
15. Evropeusъ D. O kurgannykhъ raskopkakhъ okolo rogosta Vьlzhetsъ въ Vьlzhetskomъ ulъzdь Tverskoi gubernii. *Zhurnalъ Ministerstva Narodnago Prosv'zhcheniya*. Dekabr' m'fьsyatsъ. SPb., 1872.
16. Evropeusъ D. Обь ugorskomъ narodѣ, obitavshemъ въ srednei i s'evernoi Rossii, въ Finlyandii i въ s'evernoi chasti Skandinavii do pribytiya tuda nyn'fьshnikhъ ikhъ zhitelѣi. SPb., 1874.

17. Zherebtsov L. N. Istoriko-kul'turnye vzaimootnosheniya komi s sosednimi narodami. X-nachalo XX v. M., 1982.
18. Ivanova M. G. Istoki udmurtskogo naroda: ucheb. posobie. Izhevsk, 1994.
19. Iznoskovъ I. A. Spisokъ naseleennykhъ mѣst Mamadyshskago uѣzda (Prilozhenie къ ego referatu «O sokhranivshikhъya predaniyakhъ po povodu nazvanii russkikhъ i inorodcheskikhъ poselenii въ Kazanskoj i sosѣdnykhъ съ neyu guberniyakhъ»). Kazan', 1882.
20. Irikov S. I. Slovar' sel'kupsko-russkii i russko-sel'kupskii: posob. dlya uch-sya. L., 1988.
21. Istomin K. E. Novye mezoliticheskie pamyatniki v Nizhnem Prikam'e i nekotorye voprosy izucheniya Volgo-Kamskikh mezoliticheskikh kul'tur. *Drevnie pamyatniki priust'evogo Zakam'ya: materialy Novostrochnoi ekspeditsii Ministerstva kul'tury Respubliki Tatarstan*. Kazan', 1993. V. 1.
22. Kazantsev D. E. Formirovanie dialektov mariiskogo yazyka (V svyazi s proiskhozhdeniem mariitsev). Ioshkar-Ola, 1985.
23. Klimov G. A. Osnovy lingvisticheskoi komparativistiki. M., 1990.
24. Kuzakova E. A. Slovar' mansi (vostochnyi dialekt). M., 1994.
25. Kuklin A. N. Ugorskie elementy v toponimii Mariiskoi ASSR. *Congressus septimus Internationalis Fenno-Ugristarum 3c-Sessiones sectionum, Linguistica*. Debrecen, 1990.
26. Kuklin A. N. K voprosu ob etimologizatsii Volgo-Kamskogo gidroformantaga. *Linguistica Uralica*. Tallinn, 1995. XXXI. № 2.
27. Kuklin A. N. K voprosu ob etimologizatsii gidronimov na -enga/-en'ga. *Linguistica Uralica*. Tallinn. 1995. XXXI. No. 3.
28. Matveev A. K. Drevneural'skaya toponimika i ee proiskhozhdenie. *Voprosy arkheologii Urala. V. 1. Vtoroe Ural'skoe Arkheologicheskoe soveshchanie pri Ural'skom universitete 1–7 fevralya 1961 goda. Itogi i problemy izucheniya arkheologii Urala*. Sverdlovsk, 1961.
29. Matveev A. K. Geograficheskie nazvaniya Urala: kratkii toponimicheskii slovar'. Sverdlovsk, 1980.
30. Matveev A. K. K voprosu o zapadnykh granitsakh pervonachal'nogo rasseleniya mansi po dannym toponimii. *Onomastika Evropeiskogo Severa SSSR*. Murmansk, 1982.
31. Matveev A. K. Geograficheskie nazvaniya Urala: kratkii toponimicheskii slovar'. izd. 2-oe pererab. i dop. Sverdlovsk, 1987.
32. Mel'kheev M. N. Geograficheskie nazvaniya Prieniseiskoi Sibiri. Irkutsk, 1986.
33. Mikushev A. K. Istoriko-kul'turnye vzaimosvyazi permskikh narodov. *Istoriko-kul'turnye svyazi permskikh narodov (po dannym fol'klora i yazyka)*. Izhevsk, 1981.
34. Molchanova O. T. Strukturnye tipy tyurkskikh toponimov Gornogo Altaya. Saratov, 1982.
35. Murzaev E. M. Ocherki toponimiki. M., 1974.
36. Murzaev E. M. Slovar' narodnykh geograficheskikh terminov. M., 1984.
37. Mytarev A. A. Ot Aby do Yai: geograficheskii slovar' Kemerovskoi oblasti. Kemerovo, 1970.
38. Nikitin V. V., Solov'ev V. S. Atlas arkheologicheskikh pamyatnikov Mariiskoi ASS: Epokha kamnya i rannego metalla. Ioshkar-Ola, 1990. V. 1.
39. Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaniiya: Voprosy proiskhozhdeniya i razvitiya finno-ugorskikh yazykov. AN SSSR, In-t yazykoznaniiya. M.: Nauka, 1974.
40. Petrovykh F. I. Ugorskaya toponimika Srednego Prikam'ya (s primechaniyami prof. V. I. Lytkina). *Uch. zap., t. XII. Vyp. 1: Tr. Kamskoi arkheologicheskoi ekspeditsii*. Perm', 1960. V. 3.
41. Popov A. V. K voprosu o khorografii i paleoetnografii Irkutskoi gubernii. *Ocherki po zemlevedeniyu i ekonomike Vostochnoi Sibiri*. Irkutsk, 1926. T. 49. V. 2.
42. Sablina, O. F. Reki, *Priroda Novosibirskoi oblasti*. Novosibirsk, 1968.
43. Tatishchevъ V. N. Leksikonъ Rossiiskoi, istoricheskoi, geograficheskoi, politicheskoi i grazhdanskoi. SPb., 1793. Ch. 1.
44. Teploukhov A. F. Sledy bylogo prebyvaniya ugorskogo naroda v smezhnykh chastyakh Permskoi i Vyatskoi gubernii i posleduyushchaya smena ego permskim i russkim narodami. *Zapiski Ural'skogo obshchestva lyubitelei estestvoznaniya*. Sverdlovsk, 1924. T. XXXIX.
45. Teploukhov A. F. O proisshezhdenii nekogda smene ugrov permyakami na Verkhnei Kame, komi na Verkhnei Vychege i udmurtami na Cheptse. *Uch. zap. T. XII. Vyp. 1: Tr. Kamskoi arkheologicheskoi ekspeditsii*. Perm', 1960. V. 3.
46. Terent'ev V. A. Nostraticheskie etimologii. *Etimologiya* 1977. M., 1977.
47. Turkin A. I. Toponimika Severa Rossii v trudakh finno-ugrovedov XIX – nachala XX vv. *Istoriya toponimiki v SSSR: tez. dokl.* M., 1967.
48. Khaldeeva N. I. Ural'skaya rasa po dannym odontologii. *Materialy k antropologii ural'skoi rasy*. Ufa, 1992.
49. Yantemir M. N. Opisanie Maroblasti. Krasnokokshaiskii kanton (S prilozheniem karty kantona). Krasnokokshaisk, 1926. V. 1.
50. Yantemir M. N. Opisanie Maroblasti. Zvenigovskii kanton (S prilozheniem spiska naseleennykh punktov kantona). Krasnokokshaisk, 1926. V. 3.
51. Yantemir M. N. Opisanie Maroblasti. Koz'modem'yanskii kanton (s prilozheniem spiska naseleennykh punktov kantona). Krasnokokshaisk, 1926. V. 4.
52. Yantemir M. N. Opisanie Maroblasti. Yurinskii kanton (s prilozheniem spiska naseleennykh punktov kantona), Krasnokokshaisk, 1927. V. 5.
53. Yantemir M. N. Opisanie Maroblasti. Sernurskii kanton (s prilozheniem spiska naseleennykh punktov kantona), Krasnokokshaisk, 1927 (na oblozhke: 1928). V. 7.
54. Yantemir M. N. Opisanie Maroblasti. Tor'yalskii kanton (s prilozheniem spiska naseleennykh punktov kantona), Krasnokokshaisk, 1929 (na oblozhke: 1930). V. 8.
55. Kannisto A. Über die früheren Wohngebiete der Wogulen im Lichte der Ortsnamenforschung. *Finnisch-Ugrische Forschungen*. Helsinki, 1927.
56. Munkási B. A. Votják nyelv szótár. Lexicon linguae Votiacorum (Wörterbuch des Wotjakischen) (1980, bzw. 1896) (Repint). Pécs, 1990.

UDK 801.311

*A. N. Kuklin**Mari State University, Yoshkar-Ola*

**THE URAL-VOLGA POLYETHNIC
IN THE MOZAIKS OF GEOGRAPHICAL NAMES
(POTAMONYMY IN DETERMINING OF MIGRATIONAL WAVES)**

It is difficult to solve the question about Uralic substrate in toponymy of the Ural-Volga regions because of insufficient and irregular study of ethnic and cultural relationship between Finn-Ugric and Samoyedic peoples. It is also very complicated to solve the problem of ethnic genesis of the Uralic speaking peoples, which have much in common as well as differ greatly. Such differences originated from their territorial disconnection and from close contacts with unrelated peoples and tribal groups. Different ancient substrates influenced their dialects, what was followed by subsequent divergence in the process of independent evolution. Decision of the question is aggravated by the fact that ethnic structure of the Ural-Volga region is various not only anthropologically but also in languages. Complicated problem of ethnic genesis of the Uralic race gave every reason for different hypotheses, not convincing enough, not always reliable and sometimes mistaken. To relic geographical names of the Ural-Volga regions belong toponyms of Ugro-Samoyedic origin, representing a riddle, which solving is encoded by centuries-old changes in phonetic aspect and considerable conversion of meaning aspect. Thus, the names of the rivers Bolshaya and Malaya Yunga (in Mari Kogo Yingy and Aryingy), flowing from the right into the Volga on the territory of Gornomariysky region of Mary El are usually identified with Khanty yink 'water'. But judging from semantic and external resemblance this name is more compatible with Nenets yunko 'river', what testifies to its Uralic origin. Hydronym Unzha (in Mari Uncho) absolutely has genetic ties with Selkup and by comparing map drawing of the names of the river objects of the Ural-Volga region and West Siberia.

Keywords: ethnogeny of Finno-Ugric and Samoyedic peoples, etymology of potamonymes, Mari-Samoyed lexical parallels.